

Елена Первушина

Огненные деревья

*Часть сборника
Русская фантастика 2015*

Елена Первушина Огненные деревья

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8741126
Огненные деревья: Эксмо; М.; 2015
ISBN 978-5-699-77516-3

Аннотация

«— О чем я думаю?

Оригинальный вопрос. Оригинальная манера плюхаться на стул без приглашения, грубо нарушая мое приятное уединение с куском бретонского яблочного пирога, и смотреть на меня глазами белька, над которым злодей-зверолов уже занес свою колотушку. Нет, я не претендую на какой-то запредельный комфорт: я прекрасно понимаю, что госпитальное кафе — это вовсе не шикарный ресторан, где твое уединение бдительно оберегают метрдотель, официанты и цифры в счете. Я согласна на яркий свет, отражающийся от белых столов, кафельного пола и стойки из нержавеющей стали, на скрип ножек стульев по пресловутому кафелю, на кричаще-красные бумажные салфетки и крышки солонок и перечниц, на звон посуды с кухни, даже на крики: «Люди! У меня родился сын!» Но не согласна на такие вот вторжения в мое личное пространство — пристальным взглядом темно-карих глаз, тонким носом (кончик подергивается, когда его обладатель говорит), мокрыми взъерошенными волосами, пахнущими псиной (или псиной пахнет от его кожаной куртки?), длинными беспокойными пальцами, барабанившими по столу. Может быть, в другое время и в другом месте я была бы довольна тем, что ко мне проявляют внимание особи противоположного пола и подходящего возраста, но здесь и сейчас — здесь и сейчас!..»

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Первушина

Огненные деревья

*Работа врача – это управление химическими синапсами
пациента во имя его блага!
Лекция по нейрофизиологии*

Часть первая

Заговор гормонов

Глава 1

Мертвые цветы

1

– О чем я думаю?

Оригинальный вопрос. Оригинальная манера плюхаться на стул без приглашения, грубо нарушая мое приятное уединение с куском бретонского яблочного пирога, и смотреть на меня глазами белька, над которым злодей-зверолов уже занес свою колотушку. Нет, я не претендую на какой-то запредельный комфорт: я прекрасно понимаю, что госпитальное кафе – это вовсе не шикарный ресторан, где твоё уединение бдительно оберегают метрдотель, официанты и цифры в счете. Я согласна на яркий свет, отражающийся от белых столов, кафельного пола и стойки из нержавейки, на скрип ножек стульев по пресловутому кафелю, на кричаще-красные бумажные салфетки и крышки солонок и перечниц, на звон посуды с кухни, даже на крики: «Люди! У меня родился сын!» Но не согласна на такие вот вторжения в мое личное пространство – пристальным взглядом темно-карих глаз, тонким носом (кончик подергивается, когда его обладатель говорит), мокрыми взъерошенными волосами, пахнущими псиной (или псиной пахнет от его кожаной куртки?), длинными беспокойными пальцами, барабанившими по столу. Может быть, в другое время и в другом месте я была бы довольна тем, что ко мне проявляют внимание особи противоположного пола и подходящего возраста, но здесь и сейчас – здесь и сейчас! – парень, ты попал.

– Ты думаешь, что я умею читать мысли, – отвечаю я.

Он отшатывается (опять этот противный визг ножек, скребущих по кафелю), но потом снова придвигается, заглядывает мне в глаза и спрашивает:

– А еще?

– Ты не знаешь, верить в это или нет. И не знаешь, чего больше боишься – того, что это окажется правдой, или того, что это обман. От волнения у тебя пересохло во рту, и ты очень хочешь курить. У тебя болит поясница и правое запястье. И ты очень хочешь, чтобы я тебя выслушала. Ну что, достаточно?

– Хм! Серьезно.

– При этом, заметь, к чтению твоих мыслей я еще и не приступала. Это просто наблюдения.

– Объясните, – просит он. – Пожалуйста.

Вот сволочь! Каким седьмым чутьем он вынюхал мою любимую мозоль? Дело в том, что если мне задают вопрос, я тут же начинаю искать на него ответ и не успокаиваюсь, пока не нахожу. Очень помогает в работе, но в личной жизни – это скорее обуза, чем достоинство (а медитация в кафе над бретонским пирогом – это, как ни крути, личная жизнь). Хорошо еще, он спросил меня о том, что я и так знаю.

Я отхлебываю кофе.

– Насчет «чтения мыслей» – это, можно сказать, шутка. Ты подошел прямо ко мне, сел без приглашения и спросил, о чем ты думаешь. Вряд ли это твой обычный способ знакомиться с девушками. Следовательно, ты знал, к кому подошел, навел справки обо мне. Следовательно, цель твоего вопроса – не только привлечь мое внимание, но и проверить, действительно ли я умею читать мысли. Когда я тебе ответила, ты непроизвольно отстранился и твои глаза широко открылись, а зрачки расширились – естественно, ведь ты, как и большинство нормальных людей, боишься, что о твоих мыслях будет известно посторонним. Но ты тут же придвинулся обратно – следовательно, твой интерес сильнее, чем страх, и ты, вероятно, был бы разочарован, если бы оказалось, что я – обычный человек без сверхспособностей. Ты облизывал губы, и твоя левая рука все время тянулась к карману куртки. Карман не оттянут, скорее всего, у тебя там сигареты и зажигалка. Конечно, здесь есть риск ошибиться, и, возможно, там у тебя любимая статуэтка Будды, которому ты хочешь почесать темечко, чтобы успокоиться, но я поставила на сигареты и не ошиблась. Когда ты отодвигался от меня, ты поморщился и невольно схватился за поясницу. Кроме того, у тебя след от эластичного бинта на правом запястье, и ты явно бережешь правую руку. И наконец, я обращаюсь к тебе на ты, а ты ко мне – на вы, смотришь на меня снизу вверх. То есть ты добровольно признаешь, что твой ранг ниже моего. Для мужчин такое поведение нетипично. Следовательно, ты очень заинтересован в моем внимании. Вот и всё.

– Когда вы рассказываете это, Холмс, всё кажется таким простым и очевидным. – Он впервые улыбается. – Так вы умеете читать мысли по-настоящему?

– А вот эта информация попадает под защиту закона о неприкосновенности личной жизни, – эту фразу я выучила назубок еще в школе. – Тем более что сейчас мой перерыв закончился, и мне пора на работу. А всё, что происходит у меня на работе – тоже конфиденциальная информация, и она защищена от разглашения.

Я засовываю в рот остатки пирога, встаю из-за столика, и тут он хватается меня за рукав.

– Простите, но мне действительно нужна ваша помощь. Мне... и еще одному человеку... очень хорошему человеку. И, к сожалению, я не знаю никого, кроме вас, кто мог бы помочь нам.

2

Ее зовут Лиза. Она сидит на краешке кровати, одетая в веселую ночную рубашку с розочками и медвежатами, раскачивается и поет:

Как в толпе его найдем,
Моего дружка?
Плащ паломника на нем,
А в руке клюка.

Я услышала ее голос в передней, когда у меня еще были завязаны глаза. Чистый женский голос, бархатистое контральто – не профессиональное, но очень чувственное. Тем разительнее был контраст с детской ночнушкой, с длинными, наполовину обесцвеченными, наполовину пепельно-серыми, волосами и с таким же пепельно-серым осунувшимся лицом.

Кажется, что вся душа этой женщины, всё, что одушевляло ее, ушло в голос и теперь с голосом уходит в воздух, в никуда. В первый момент я даже разозлилась и шикнула на Максима:

– Вы что, нормальной одежды подобрать не могли? Если она больна, это не повод ее унижать.

Но он только покачал головой и сказал:

– Ее любимая рубашка. Еще до всего.

Потом мягко тронул женщину за плечо:

– Лиза, смотри, я привел доктора.

Она повела головой – в его сторону, не в мою, и не сказать, чтобы взглянула, потому что глаза как были, так и остались без малейшего выражения, просто повернула лицо в его сторону и заговорила тем же низким, грудным, чувственным голосом:

– Пятью пять – двадцать пять, всё спокойно. А дважды два – четыре, этого мало, мало... Я хотела бы нарвать вам фиалок... А трижды три – двадцать один... Дуй ветер, дуй!.. Любви безмерной положить конец, любовь не знает убыли и тлена, любовь над бурей поднятый маяк, не кукла жалкая в руках у времени... московское время три часа сорок одна... семью семь – сорок один, и всё спокойно...

И снова запела:

Что нет невзгод, а есть одна беда –

Моей любви лишиться навсегда.

– Ну вот, вы всё видели, – говорит Максим. – Точнее, слышали...

– Вы обращались к психиатру? – интересуюсь я.

– Нет.

– Почему? Не смогли поймать?

– Нет. Он захотел бы забрать ее в больницу, а ей нельзя в больницу.

О, этот бесконечно-однообразный эгоизм родственников!

– Ей, безусловно, нужно полное обследование, постоянный прием лекарств и круглосуточное наблюдение. Проще всего это сделать в специализированном психиатрическом отделении.

– Доктор! Не надо мне рассказывать, что проще всего сделать! Поверьте, я пока в своем уме. И если я говорю, что это невозможно, то так и есть!

Стоит Максиму повысить голос, как Лиза тут же сжимается, обнимает колени и начинает раскачиваться на кровати, монотонно бормоча:

– И я уйду без поцелуя... и я уйду без поцелуя...

Максим бросает на меня сердитый взгляд и говорит тихо:

– Может быть, вы не будете давать пустых советов и что-нибудь сделаете?

– Я очень немного могу сделать. Я не психиатр и вообще не клиницист. Я – чтец, то есть диагност, что-то вроде специалиста по УЗИ. Я не ставлю диагнозов и тем более не назначаю лечения. Я только пишу заключения для специалистов.

Максим молчит. Лиза бормочет, затихая:

– Без поцелуя... без поцелуя... пятью пять, всё спокойно...

– Хорошо, – сдаюсь я. – Расскажите, пожалуйста, как давно это с ней.

– Три дня.

– Расстройство началось неожиданно?

– Я... я не знаю. Я нашел ее три дня назад и привез сюда. Она всё время была такая.

– То есть вы познакомились три дня назад?

– Нет, что вы. Я... не ясно говорю, да? Понимаете, мы женаты уже семь лет. Будет семь... скоро. Мы познакомились в университете, в книжном магазине, представляете? Я ходил на вечерние курсы, язык, собирался ехать за границу, а она преподавала на кафедре. Шекспир... И вообще английская литература.

– Одной из общепризнанных истин является мнение, что каждому одинокому мужчине, который располагает значительным состоянием, совершенно необходима жена, – откликается Лиза.

– В общем, я влюбился, и мы поженились. И всё было хорошо. Поехали к морю... Там были такие чайки – просто звери. Стоило открыть форточку в гостинице, как они влетали и принимались шуровать по вещам. Одна утащила полпалки колбасы. Другая схватила мою мобилку, потом, правда, вернула, в смысле – уронила. Лиза так смеялась! Но потом Лиза... в общем... Детей у нас не получилось, и она увлеклась каким-то восточным учением... или западным. Они говорили, что помогают женщине осознать себя женщиной, подготовиться к материнству. Что-то такое. Я даже был рад сначала: она стала меньше плакать, чаще выходила из дома, снова появился блеск в глазах. А потом однажды она просто ушла... Туда, к ним, в их собрание. Я искал ее три месяца. Потом еще месяц разрабатывал план похищения – они серьезные ребята. Хуже чаек. Привез Лизу, а она уже была... такая... Вот почему нам нельзя в больницу. И я завязал вам глаза, когда вез сюда. Никто не должен знать, что мы здесь. И я вас прошу...

– То есть вы хотите сказать, что первые симптомы появились у вашей жены полгода назад и распад личности быстро прогрессировал?

– Поймите, с чего вы взяли?

– С ваших слов. Вы говорили, что после неудачи с беременностью она много плакала, редко выходила из дома, потом увлеклась эзотерическим учением, ушла в секту и вернулась оттуда уже такой...

– Но... вы всё так выворачиваете... Да, Лиза горевала, но она была нормальной, уверяю вас, она боролась, старалась справиться... Доктор... по-моему, вы достаточно наговорили. Сделайте уже что-нибудь!

– Ладно, я попробую. Разденьте ее.

3

Я не люблю торопиться. Я всегда начинаю с крестца и продвигаюсь вверх по позвоночному столбу, даже если сразу вижу, что у пациента нет двигательных нарушений. Мне удобно настраиваться на моторных нейронах спинного мозга – они такие симпатичные, как ивы с шаровидной кроной, узлом ветвей и длинным ровным стволом. Я очень люблю настоящие ивы – особенно в мае, когда их маслянистые зеленые листья сверкают на солнце. Но сплетения спинного мозга для меня – красные, а в каждой «корзинке» – месте, где сливаются «ветви» дендритов, – светится огненный рубин, тело нейрона. Однажды на конференции мне удалось поговорить с Тордис Бергсдоттир – чтецом первого поколения, и она рассказывала, что в детстве мать научила ее вязать коврики из ниток, и с тех пор мозг для нее – огромный сложный ковер со множеством переплетений нитей разной толщины и фактуры. Роберт Хикару уверяет, что воспринимает сплетения нейронов, как сплетения джазовых мелодий, но я ему не слишком-то верю, и не потому, что не верю в саму возможность чтения на слух, а потому что он слишком откровенно рисуется и рвется в публичные фигуры. А я банальна до невозможности – читаю работу мозга через зрительные образы.

По аксонам бегут толстые и веселые алые искры, и я невольно улыбаюсь – мне приятно, что, по крайней мере, тело пациентки здорово. Об этом я говорю Максиму:

– Что ж, она истощена, у нее гипофункция яичников и, пожалуй, развилась гипофункция щитовидной железы – позже я посмотрю внимательнее. На коже есть несколько синяков разной степени давности, но все поверхностные и незначительные. Не похоже, чтобы ее били. В общем, соматически она в хорошей форме.

...И вижу, как он выпускает воздух сквозь стиснутые зубы.

Теперь я перехожу к стволу мозга и к черепно-мозговым нервам. Проверяю все двенадцать пар, не надеясь обнаружить патологии – и не обнаруживаю ее. И зрительный, и слуховой, и обонятельный, и вкусовой анализаторы у Лизы сохранены. Выныриваю из золотых сплетений ствола и погружаюсь в искристо-синие «деревья», идущие в мозжечок и Варолиев мост. И здесь впервые замечаю небольшие отклонения. Импульсы, проходящие по нервным волокнам, слишком редкие.

– Как Лиза ходит? – спрашиваю я. – У нее нет нарушений равновесия? Ее не шатает?

– Да, шатает. Мне постоянно приходится ее поддерживать. Что это значит?

– Я не знаю. Возможно, проявление болезни. Возможно, ее держали в тесном помещении в темноте и относительной неподвижности. Возможно, она принимала какие-то препараты. Если бы мы могли взять кровь на анализ...

– Продолжайте обследование, доктор, – прерывает меня Максим.

Я ухожу глубоко под кору больших полушарий в средний мозг и ретикулярную формацию, просматриваю изумрудные вегетативные ядра и проводящие пучки и снова обнаруживаю незначительное общее угнетение активности. Осматриваю вытянутый бледно светящийся сапфир – гипофиз. Так и есть – угнетение функции щитовидной железы и – смотрю нейрогипофиз – яичников. Центрального генеза. Это действительно похоже на действие каких-то препаратов, но поскольку Максим ясно дал мне понять, что анализов не будет, бесполезно высказывать предположения. Хотя...

– Максим, а что, собственно, случилось с беременностью Лизы? Был выкидыш?

– Нет, до беременности так и не дошло. Я не знаю, не разбираюсь в этом.

Нет так нет.

Теперь – холодный изумрудный блеск гипоталамуса. Здесь я очень внимательна, памятуя о депрессивных настроениях Лизы. Я осматриваю его ядро за ядром, пучок за пучком, добираюсь до отдельных синапсов и действительно обнаруживаю пониженный уровень серотонина в синапсах, а также снижение числа дофаминовых рецепторов. Да, Лиза генетически склонна к депрессии, и, несомненно, у нее недавно была депрессия. К сожалению, недостаточно сильная для того, чтобы обратить на себя внимание, и недостаточно сильная для того, чтобы уберечь ее от саморазрушающего поведения. Но это никак не объясняет, почему бывшая профессор университета угощает любимого мужа вишневым из Шекспира и таблицы умножения. Придется смотреть кору.

4

Я последовательно просматриваю моторные зоны, осязательные, зрительные и слуховые поля, речевой центр Вернике, ассоциативные слуховые зоны, двигательный речевой центр. Обычно такой осмотр напоминает путешествие в большой индустриальный город. Сначала идут предместья, куда вынесены заводы и фабрики, затем начинаются городские кварталы, пронизанные дорогами различного значения – местными, связывающими квартал с соседним, и магистральными, ведущими к центру города или к загородным районам. На этих дорогах царит оживленное и одновременно упорядоченное движение. Электрические сигналы бегут от нейрона к нейрону, от звездчатых клеток к пирамидальным, от них – к гигантским пирамидам продолговатого мозга, расходятся по ассоциативным и комиссуральным волокнам, формируя мысли, образы, воспоминания.

На этот раз я словно попадаю в город Дрезден после сокрушительной бомбежки. Заводы в предместьях, то есть основные рефлексы, сохранены (вот почему Лиза реагирует на голос и сама говорит), а вот зоны распознавания зрительных образов и речи представляют собой пылающие развалины. Импульсы то теряются в синапсах, то, наоборот, – практически не затихают. Лиза не только не узнает всех, кто ее окружает, не только не понимает,

о чем говорит, но, похоже, вообще утратила представление о том, что значит «узнавать» и «понимать». Это не разбалансировка под действием препаратов, не очаговая патологическая активность – это тотальное разрушение!

Я стискиваю зубы и «ныряю» в лимбическую систему – своего рода даунтаун головного мозга, туда, где «живут» эмоции и мотивации. Мне не хочется «открывать глаза», я заранее боюсь того, что увижу. И я не ошиблась. Снова передо мной горящие руины. Где-то еще можно различить обломки былых структур, своего рода острова, или сохранившиеся стены, которые только подчеркивают царящий вокруг хаос. Бесполезно разыскивать «выживших» – здесь ничто не могло выжить. Лишь отдельные нейроны вспыхивают, гаснут и снова вспыхивают, как поваленные и тлеющие деревья.

5

Лиза снова заводит:

Меня желал, пока не смял,
Хотел женой назвать...

А я все сижу рядом с ней на кровати, не поворачиваясь, не поднимая головы, и думаю: как мне сказать Максиму, что перед ним – не его жена и вообще не совсем человек, а помесь зомби с магнитофоном, существо без воспоминаний, без мыслей, практически без сознания. И что я не понимаю, как ей можно помочь и каким образом это с ней сделали. Но что-то говорить надо.

На секунду мне приходит в голову безумная фантазия: что если я повернусь к Максиму и запою:

В День святого Валентина,
На рассвете дня,
Ты своею Валентиной
Выбери меня!

То-то он удивится! И наверняка не будет больше задавать никаких вопросов!

Однако вместо этого я говорю:

– Максим, у меня плохие новости. Лизе действительно необходима госпитализация. У нее тяжелые нарушения работы головного мозга.

– Какие именно нарушения? – строго спрашивает Максим.

– Грубо говоря, у нее перепутаны все электрические импульсы в коре. Поэтому она... так странно ведет себя. Существует специальная терапия...

(Я вру, мне нужно сказать: «Кора разрушена» – так гораздо проще и ближе к истине, но смелости не хватает.)

– Электрошок?

– Нет, препараты, улучшающие кровообращение в мозге. Может быть, нейропластика...

(Нейропластика в таких объемах? Да вы оптимистка средней степени дебильности, деточка.)

– Всё равно это слишком опасно. По крайней мере сейчас. Я не хочу, чтобы о Лизе кто-то узнал. Вы помните? Вы обещали молчать.

Я не спорю, потому что совсем не уверена в успехе. Мне никогда прежде не приходилось видеть столь тяжелые повреждения.

– Спасибо вам, доктор, – тон Максима сух и официален. – Вы нам очень помогли. Теперь я по крайней мере понимаю, что происходит. Две тысячи за консультацию вас устроит?

– Устроит. Но я хотела бы попросить: у вас остались какие-то материалы по этой секте?

– Зачем это вам?

– Я хочу понять, как с Лизой произошло то, что произошло.

– Не стоит. Говорю вам: эти люди опасны.

– Я не буду попадаться им на глаза. Только соберу информацию, которая доступна всем. Поймите, работа мозга – это моя работа, моя специальность... И в этой области я хочу знать всё, что можно. Иначе... Я буду выглядеть как дура.

– А вы этого очень не любите, – улыбается Максим. – Хорошо. У Лизы остались кое-какие записи с тех пор, как она еще начинала: лекции, семинары. Вы можете их посмотреть – на свой страх и риск.

Он подходит к туалетному столику в спальне и достает набор – серьги и кулон с часами.

6

– Можете снять повязку.

Слышно, что Максиму жутко неудобно, что эти игры в конспирацию его самого смущают. И всё же без этого он, видимо, не может: ему важно создать хотя бы иллюзию, что он обезопасил меня и Лизу, что он хоть немного контролирует ситуацию. А мне что? А мне нетрудно.

И сориентироваться, куда он меня завез, тоже совсем нетрудно. Есть такое распространенное мнение, что у женщин пространственное мышление развито хуже, чем у мужчин. Если это даже так (на самом деле не так, но об этом позже), то я – не женщина. Привязать положение машины к воображаемой карте города для меня не сложнее, чем разобраться в трехмерной карте головного мозга.

– Хорошо, теперь в конце проспекта давайте под мост, и там первый поворот налево. Отлично. Теперь еще через два квартала направо и высаживайте меня.

На самом деле до моего дома еще около километра, но, во-первых, я тоже могу поиграть в конспирацию, во-вторых, хочется прогуляться.

– Прощайте, Максим, и удачи. Буду нужна, найдете.

– Спасибо. И будьте осторожнее.

– Ага, непременно.

Закатное солнце слепит глаза, на тротуарах полно луж, машины, объезжая пробки, так и норовят обдать прохожих брызгами. Холодный резкий ветер налетает порывами – в общем, классическая городская зима. Да, насчет прогулки я, кажется, погорячилась. Не самая лучшая идея. Прячусь в ближайшем цветочном магазине и попадаю из северной зимы в южную осень. Пушатся белые махровые розы, свернули тугие влажные бутоны их алые сестры, обдают ароматом из полураскрытых чашечек розы чайные, рядом золотятся и синеют ирисы, суховатые гвоздики, словно бонны-англичанки, высоко держат головы с алыми панковскими гребнями. (Бонны-панкушки? Пожалуй, слишком образно.) Но если продолжать сравнение, то лилии – их воспитанницы в белых платьях, прикидывающиеся целомудренными, но здесь и там, как бы невзначай отгибая лепесток, позволяют заглянуть в свое нутро.

А вообще весь этот «бал цветов» больше всего напоминает мне картину, которую я видела полчаса назад, – многоцветье человеческого мозга. И тут я мгновенно – вспышкой – вспоминаю, как Юлия Сергеевна, наша заведующая, ставит на стол ординаторской букет, преподнесенный ей очередными счастливыми родителями, и бормочет под нос: «Как это готично: дарить девушке трупики растений, чтобы она могла наблюдать за их разложением».

Тогда еще Юлия Сергеевна была вполне вменяема по рабочим дням, не пугала родителей, и перегаром от нее несло разве что по понедельникам... И я понимаю, что на самом деле все это время думала о Лизе, что «трупички растений» в вазонах, воспоминания о Юлии и ее сложных отношениях с алкоголем, – всё это были только метафоры, которые позволяли мне обиняками обдумать простую мысль: я донельзя напугана тем, что увидела, я до сих пор не знала, что с людьми можно поступать подобным образом, и я не успокоюсь, пока не пойму, что произошло с Лизой. Конкретно и в подробностях. Моя психика устроена так, что любопытство если не заменяет, то забивает большую часть эмоций. Говорят, это характерно для чтецов. Я не уверена – слишком мала выборка. Но, по крайней мере, у меня это так. Любопытство – мой любимый порок. И сейчас я собираюсь проверить, как далеко могу зайти, если перестану сдерживать его.

Я останавливаюсь у кассы, бросаю последний взгляд на ряды выставленных на продажу мертвецов, вспоминаю Юлию, какой она была уже в самом конце, за неделю до увольнения, когда устала бороться.

И, решительно купив горшок с большим круглым и колючим кактусом, направляюсь к выходу.

Глава 2

Смыслообразование

1

«Когда женщины, говорят, что у них депрессия, они, как правило, врут или, в лучшем случае, обманывают себя. Депрессия – болезнь, не свойственная женщинам. Их болезнь – истерия, название которой происходит, как известно, от греческого слова «гисетрус», то есть «матка».

Я рассуждаю, как культуролог, и исхожу из того соображения, что болезни обусловлены культурно, переживаются больными внутри культуры и имеют под собой какой-то смысл. Так, шаманская болезнь позволяет ее носителю стать шаманом; камни в почках помогают мужчине узнать, что такое роды; эпилепсия нужна, чтобы пережить необходимый творческий опыт; ангина – почувствовать любовь семьи.

Депрессия – болезнь личностного роста, связанная с конструированием новых смыслов, и мне понятно, для чего она нужна мужчинам или женщинам, производящим смыслы. Женщинам, изображающим, что производят смыслы, легче это сделать через устойчивые культурные образы, одним из которых и является истерия. Причем очевидно, что некоторые этим своим истерическим синдромом просто бравируют.

Депрессию и эзотерические практики объединяет общая устремленность от этого мира, мироотреченность и гностицизм, если вам угодно.

Когда мужчины говорят о депрессии, я им верю. Когда женщины – нет».

– Ты что материшься, Душка? – спрашивает Катя. – Расслабься.

Она входит в кухню и обнимает меня за плечи, только что из душа, одетая в два розовых махровых полотенца на голове и на бедрах, свежепомытая и свежезагорелая, благоухающая шампунем и озоном. Мини-солярий, установленный в ванной, был одним из тех условий, на которых Катя согласилась стать моей соседкой по квартире. Другим условием было то, что я готовлю завтраки по выходным: Катя – актриса, она часто возвращается домой за полночь, а по утрам предпочитает отсыпаться. Меня это устраивает: я, как правило, работаю по утрам, что ограничивает мое общение с Катей до необходимого минимума и позволяет нам оставаться на приятной дистанции. Кроме того, мне нравится, приходя домой, обнаруживать в духовке теплый ужин – Катя свято блюдет принцип «ты – мне, я – тебе».

Плохо одно, она с заботливостью доброй старшей сестры следит за моей личной жизнью. Сначала она перезнакомила меня со всеми коллегами-актерами. Потом – с коллегами-актрисами. Когда ничего не получилось, она, кажется, вообразила, что я еще не осознала свою сексуальность, и теперь всячески пытается пробудить мое либидо от спячки. Отсюда и прогулки по квартире в стиле «ню», и легкие дружеские объятия, и эта «Душка» – прозвище, которое она путем каких-то загадочных филологических манипуляций извлекла из моего имени. Всё это она проделывает вполне бескорыстно, я уверена. У самой Кати сексуальная жизнь настолько насыщена, что я удивляюсь, как у нее еще остаются время и силы на что-то другое.

Сегодня, как легко догадаться, суббота. Я встала рано, поставила вариться груши в вине и, пока готовила лимонный кёрд и пекла оладьи, от нечего делать решила посмотреть, что записано на серьгах Лизы. Ее кулон-модем легко связался с нашим квартирным уникамом. И теперь с экрана вещает дама в стильном бежевом костюме, сопровождаемая титрами: «Тамара Лайт. Культуролог». Мне немного не по себе от того, что на мне украшения другой

женщины, но они питаются энергией от разницы температур между телом и окружающей средой, и надеть их проще, чем класть на батарею.

«Постродовая депрессия связана с осознанием своей смертности в результате участия в акте рождения, – сообщает культуролог. – Она базируется в конечном счете на осознании причинно-следственной связи между смертью и рождением, то есть исходная точка послеродовой депрессии в понимании смертности человека. Обычная же депрессия связана совсем с другой материей, она существует в пространстве творческой реализации versus отказа от действия. Вообще нас не должно путать одно и то же слово. Я бы сказала, что этот вид депрессии – ложная депрессия, так как, во-первых, она протекает легче и затрагивает два объекта, а не один; во-вторых, она не связана со смыслополаганием. В результате обычной депрессии рождаются новые смыслы, а постродовая депрессия – банальное средство ограничения рождаемости, ментальный контрацептив».

Ее слова производят буквально волшебное воздействие на Катю, она отстраняется, опускает руки и говорит потухшим голосом:

– Ты права... это действительно б...ское дерьмо.

– Кать, ты чего? – удивляюсь я. – У тебя же детей нет, и ты, насколько я знаю, не собираешься.

– Так-то так, да только ощущения уж больно мерзкие. Как будто тебя ни за что ни про что извальяли в дерьме. И депрессии-то у женщин быть не может, и смыслы они не рожают...

– Она говорит, рожают. Иногда.

– Угу, она наверняка себя имеет в виду. И если к ней подлизаться, она и тебя включит. Я таких людей знаю, у нас режиссер такой был...

– Кать, да это всё бред. Если бы у женщин не было депрессий – это было бы такое слава богу! Настоящая депрессия – это совсем некрасиво и неинтересно. И где уж там смыслы рожать – многие не могут справиться с силами, чтобы задницу себе подтереть. Они ведь часто не вешаются только оттого, что для этого шевелиться надо, а сил нет. Вечная болезнь гуманитариев – судить о мире по собственным фантазиям.

– А всё равно противно. Ладно, давай завтракать.

2

К счастью, пряные груши, сваренные в вине, и кисло-сладкий ароматный лимонный кёрд быстро поднимают нам настроение. Катя, успевшая накинуть короткий халатик, рассказывает о новой постановке: это будет светопредставление «Розовый» – история женщины XX века, преследуемой розовыми вещами. Кате в спектакле досталась роль Розовых Лосин, в качестве которых она будет раскачиваться на турнике, ходить колесом и читать монологи о том, что розовые лосины – это сексуально. Я заверяю ее, что она буквально рождена для этой роли. Я до сих пор не могу забыть ее предыдущую работу – роль Чувств в спектакле «Разум и чувства» по Джейн Остин, где она в радужном трико кружила в хула-хупе над своей героиней – Чувствительной Марианной и не без успеха соблазняла Разумную Элеонор. Я люблю ходить в театр – Катя всегда организует мне место в первом ряду, и я могу наблюдать, как работает мозг у актеров – как сложные цепочки, как вспыхивают в коре, подогретой эмоциями из лимбической системы, невероятной красоты огненные деревья условных рефлексов, мгновенно расширяющихся и расцветающих импровизациями под летним дождем потока информации от их сенсорных нейронов, корректирующих работу двигательных. Эта игра электрических импульсов гораздо увлекательнее того, что происходит на сцене. Порой мне жаль, что Катя не видит себя моими глазами – у нее прекрасные рефлексy, жирные нейрон-

ные пути, ее поля памяти яркие и отчетливые, словом, она – воплощенное умственное здоровье. Вот только не надо снова о Лизе, а?

Пока Катя ставит посуду в машину, я лениво перебираю записи, и разные тетki на разные голоса вещают:

«Самое важное – отношение матери к своему настоящему и будущему материнству. Жизнь с детьми должна быть априори позитивной и удовлетворяющей, ведь она соответствует самым глубинным запросам женщины. Следовательно, женщина-мать не должна тяготиться заботами с напряжением и усталостью. И дети, чувствующие, что они приносят радость, чувствующие мамино состояние, будут гораздо спокойнее. От этого всецело зависит жизнь с детьми, а не от того, помогают вам в принципе или нет. Дети, мать которых чувствует себя усталой и истощенной, ощущают напряжение и дают отдачу по психо-эмоциональным факторам. Именно эта связь, а не наличие в доме помощника. Можно с определенным настроем быть счастливой матерью радостных деток хоть в пустыне Каракумы, без нянь и без вспомогательных средств. Этот настрой вообще первостепенен, а всё остальное – нюансы».

«Кесарево сечение – нравственная катастрофа для женщины. Это значит, что женщина подсознательно ненавидела своего новорожденного и не желала его появления на свет».

«Если говорить о психологическом аспекте, то проблематичность прикладываний при грудном кормлении может быть в таком комплексе:

- болезненная автономия собственного тела (идет последствием ранних детских переживаний в отношении своего тела);

- невозможность почувствовать себя с ребенком полноценной симбиотической системой: желание отвергнуть ребенка – это следствие изначально не сформировавшейся (или сломанной) в диаде «мать плюс дитя» тесной эмоциональной связи, в которой мать не дает свое тело как бы в аренду ребенку, а чувствует период кормления грудью как период Единения с ребенком в Одно Целое;

- комплексные астеноневротические реакции внутри эндогенной депрессии (депрессии, причина которой кроется внутри организма) – последствия послеродовой депрессии, которые привели к состоянию, когда реакции на собственное материнство искажены;

- свойственные определенной категории женщин тенденции к девиантному материнству (различного происхождения) – варианты попытки оттолкнуть свое потомство при различных реакциях на оное: от страданий и стыда до абсолютного оправдания этих тенденций различными социальными факторами;

- различные заболевания эндокринной системы – гормональный уровень не имеет баланса, скачки воздействуют на чувствительность разных областей, от психики, до наружных органов.

Всё это приводит к нарушению воспитательной функции грудного вскармливания»...

– Господи, что это за ужас? – интересуется Катя. – Кампания Шибко-Умные-Задницы против матерей?

– Почти, – вздыхаю я. – Какая-то неформальная организация в поддержку истинной женственности и материнства.

– Интересно, кто их слушает? Так и свихнуться недолго.

– Находятся желающие, – вздыхаю я.

И думаю про себя: «Но это не ответ! Да, эти люди – высокообразованные хамы, которые научились оскорблять женщин псевдонаучным языком. Возможно, они в состоянии посе-

лить в будущих матерях неуверенность и чувство вины за то, что им пришлось пройти кесарево сечение, за чувство усталости или за «безболезненную автономию собственного тела». Но это – не то, что случилось с Лизой. Никакие слова, сколь бы жестокими или глупыми они ни были, не разрушат связи в коре до такой степени, как я наблюдала вчера. Максимум появится пара новых связей полей памяти лобных долей коры с лимбической системой, с миндалиной, отвечающей за страх, или с покрывкой среднего мозга и гиппокампом, где гнездится печаль, но это – та травма, которую мозг может пережить, не развалившись на части. Следовательно, что-то там есть еще, кроме дурацких лекций. Что-то менее эффективное, но более эффективное. Интересно, как это выглядит?»

Я еще раз щелкаю по пульту, и неожиданно на экране появляется Лиза. На этот раз она не в ночной рубашке, а в зеленом вязаном свитере и темных брюках. Она откидывает за спину длинные темные волосы и произносит:

«Театр Шекспира «Глобус» был круглым зданием без крыши. Крытыми были только просцениум и галереи, предназначенные для знати и оркестра. Простой народ толпился внизу, вокруг сцены. Театры в елизаветинское время делились на частные, королевские и общенародные. «Глобус» относился к общенародным...

Он существовал на деньги меценатов, в частности, фаворита Елизаветы – графа Лейстера. В театре не было ни декораций, ни исторических костюмов. Актеры выступали в костюмах, подаренных покровителями-аристократами, то есть в одежде, которая была современной, разве что немного вышедшей из моды. Независимо от того, происходило ли действие в Древнем Риме, как в «Кориолане», в средневековой Дании, как в «Гамлете», или в Британии, как в «Хрониках».

Спектакли начинались в три часа дня. Поэтому, если действие происходило ночью, в нише, в глубине сцены, зажигали свечу, а по сцене ходили дети с факелами. При таком уровне условности основная нагрузка приходилась на сценическую речь. Для того чтобы создать зримые образы, автор старался насытить текст яркими деталями, с символикой, которая хорошо известна зрителям.

Например, на платке Дездемоны была вышита земляника. Цветок, символизирующий верность. Поэтому когда Отелло увидел этот платок в руках другого мужчины... случилось то, что случилось. Лучше бы он застал их в постели – тогда у него еще могли быть сомнения.

Еще пример: когда Офелия разговаривает с Гамлетом и видит, что у него спущены чулки, она застывает в ужасе, эти чулки лучше, чем любые слова принца, убеждают ее, что ее возлюбленный безумен. Одежда для елизаветинца была зримым образом человека. По одежде можно было определить его происхождение, семейное положение, род занятий, уровень притязаний. Если человек перестает заботиться о своей одежде, значит, он перестал заботиться о себе, а если ему безразлично, как он выглядит, он утратил свою цельность, представление о себе. Он больше не часть социума, он отщепенец, а это для елизаветинца – несомненный признак безумия. Никакого психиатра не надо».

– А это еще кто? – спрашивает Катя. – Единственная нормальная баба в этой чокнутой компашке. Не знаю, какое отношение имеет Шекспир к материнству, но вот ее я с удовольствием еще послушала бы.

– Она тут случайно. Почти случайно. Кстати, ты никогда раньше не видела ее?

– Нет, а кто это?

– Елизавета... – только тут я вспоминаю, что забыла спросить у Майкла фамилию Лизы. – Ммм... Погоди, давай посмотрим.

Я достаю унипульт и вызываю на стеновизор поисковую систему. Но как сформулировать запрос? Пробую: «Елизавета Шекспир» – и получаю: «Эти пьесы написала королева

Елизавета. Шекспир был женщиной». Набираю: «Елизавета, шекспировед» – и получаю: «... пытается доказать, что под именем Шекспира писали Роджер Мэннерс (5-й граф Рэтленд) и его жена Елизавета Рэтленд. Книга была переведена на многие языки и сделала большой переполох среди шекспироведов». Набираю: «Елизавета. Театр Глобус» – и получаю: «Я дал ей на это средства: четыре билета в театр «Глобус»... Елизавета (едва владея собой). Еще одно слово, и я своими руками начну дело...» Бернард Шоу. «Смуглая леди сонетов».

Катя хихикает:

– Не очень-то результативно.

– А будто ты можешь лучше!

– Запросто. Нужна только программа распознавания образов.

– И у тебя как раз случайно такая есть.

– У меня нет, но у нашего художника – полно, он так ищет выкройки исторических костюмов.

– И ты можешь...

– Разумеется, только с тебя бутылка.

– Да хоть две...

3

Пока Катя общается по уникаму со своим другом-художником и осваивает поисковую программу, я ухожу в свою комнату. Лиза, разумная Лиза, говорящая о безумии Гамлета – это немножко слишком. Я снова спрашиваю себя: «Что должно произойти, чтобы рационально мыслящая женщина, ученый (хоть и гуманитарий) стала слушать чушь, которую несут защитники материнства, и ушла к ним? Возможно ли, что она хотела ребенка настолько, что сумела заглушить в себе голос здравого смысла? И чем эти люди ее отблагодарили? И ее ли одну?»

Нет, это бессмысленно. Слишком мало данных, чтобы строить умозаключения и делать выводы. Нужно успокоиться и отвлечься.

Я выхожу из дома и иду к ближайшей станции велометро: отсюда я каждое утро еду на работу. Но сегодня я не взяла с собой велосипед, я просто присаживаюсь на платформу, где роликобежцы надевают свои коньки, и наблюдаю за движением. Велометро – прозрачная труба, поднятая высоко над землей, по ней без препятствий мчатся велосипедисты и роликобежцы, избавленные от присутствия машин и пешеходов. Сейчас народу меньше, чем по утрам в рабочие дни, и я могу поиграть в свою любимую игру – читать работу мозга в движении. Сначала попытаться поймать импульсы на как можно большем расстоянии, затем любоваться игрой рефлексов и ответов на внешние раздражители, вспышками мозжечковых нейронов на плавных поворотах, ровным свечением довольных лимбических систем (попадают и озабоченные лимбы, но редко – равномерное движение многих успокаивает). И потом долго провожать глазами, ловя затухающие импульсы. Пронесются иногда инвалиды-опорники, и их элегантные коляски в электрическом биении эластично шелестят (Северянин бы залюбовался!). Но за ними мне не уследить – излучение их моторов, хоть и находится выше моего порога восприятия, создает серьезные помехи. Здесь я чувствую себя спокойно и уверенно. Здесь мой тайный сад, где я могу любоваться живыми цветами и наслаждаться их ароматом.

Сигнал с портала уникама, встроенного в браслет, прерывает мою медитацию. Катя сообщает, что нашла в Сети данные о Лизе и напоминает об обещанной бутылке. Думаю, она заслужила что-то очень хорошее. Пятилетний коньяк «Магарач», не меньше. Я беру в прокате велосипед и еду в магазинчик «Крымские вина», который отыскала несколько лет назад.

Глава 3 Будни

1

Лизина фамилия – Муравьева. Елизавета Никифоровна Муравьева. Она была ассистентом на кафедре английского языка и литературы в нашем университете, готовилась к защите докторской на тему «Мотив трансгендерного переодевания в пьесах Шекспира». Но гораздо больше меня интересуют другие дамы на флешке, файлы с лекциями которых Лиза озаглавила почему-то «Tray», «Blanch» и «Sweetheart». Сверяюсь с английским словарем и выясняю, что эти слова означают соответственно: «Поднос», «Белянка» и «Возлюбленная». Станный набор...

Катя показывает мне, как пользоваться программой распознавания, я делаю слайды с видеофильмов, кодирую образы и запускаю поиск. Все три дамы обнаруживаются довольно быстро. «Белянка» и «Возлюбленная» работают в частном медицинском центре «Гармо-мама». Первая – перинатальный психолог (что бы это ни значило), вторая – консультант по грудному вскармливанию. Зато «Поднос», она же Тамара Лайт, она же Тамара Литовченко – коллега Лизы, также работает в Университете, только на кафедре культурологии, и также готовится к докторской. И одновременно ее лекции по «Культуре женственности и материнства» объявлены анонсом на сайте «Гармо-мамы». Что ж, картинка вырисовывается простая. Лиза и «Поднос» познакомились в Университете: в столовой, в книжном магазине или на факультетских конференциях – не суть важно. Лиза была расстроена неудачами с беременностью (кстати, надо бы как-то выяснить, в чем конкретно заключались эти неудачи). Короче, Лиза как-то не в добрый час разоткровенничалась. «Поднос» предложила ей обратиться в «Гармо-мamu», обещала, что там ее научат «смыслообразованию» и «воспитательной функции кормления». Лизе, похоже, терять было уже нечего (что у нее там все-таки было со здоровьем? Как это узнать? При осмотре я не обнаружила отклонений, но работа висцеральных органов всегда плохо считывается – в конце концов она в большей степени регулируется гуморальной, а не нервной системой. Интересно, у кого Лиза обследовалась? В Университетской поликлинике? Или в каком-то центре по репродукции... Так или иначе, информацию получить будет сложно). Короче, Лизе было терять нечего, а может быть, Тамара наврала с три короба, и несчастная женщина отправилась в «Гармо-мamu», где ее... А вот это как раз самое интересное. И узнать можно только одним способом – отправившись по Лизиним стопам.

2

Моя работа – самая лучшая на свете. Я ее долго выбирала.

Может показаться, что выбора у меня, по сути, не было – чтец с детства «приговорен» к неврологии. На самом деле выбор был. Я могла остаться в Университете и пойти в большую науку. Любая исследовательская группа, любая лаборатория, занимающаяся нейрофизиологией, приняла бы чтеца с распростертыми объятиями. Я могла бы пойти в хирургию. Причем даже необязательно в нейрохиргию. Трансплантологу, например, мои способности совсем не мешают. Проблема в другом – интеллект. Я недостаточно умна для ученого и недостаточно люблю резать людей для хирурга. Поэтому я даже не стала получать высшее медицинское – при моих данных это было бы лишней тратой времени и денег.

Я работаю в Городском госпитале, в отделении неврологии детей первых трех лет жизни. Массажистом. Занятие – как раз для меня, ведь я сразу вижу патологию и могу следить за тем, насколько успешно мои маленькие пациенты с нею борются. Конечно, я им помогаю. Да что там – всё отделение работает на них и даже весь госпиталь. Но главную работу они делают сами, и я не устаю этим восхищаться. Дети – специалисты по выживанию. Какой взрослый будет часами тренироваться для того, чтобы подчинить себе собственные руки и ноги? Падать, хныкать и снова подниматься – раз за разом, час за часом. Какой взрослый будет день за днем сам добровольно нагружать свое тело, чтобы восстановить разрушенные связи в мозгу? В общем, с годами мы все сильно сдаем, хотя еще на кое-что способны.

За ночь на отделении ничего не случилось. Поэтому пока доктора обсуждают свои врачебные дела (расписание дежурств на следующий месяц, темы для выступлений на госпитальных конференциях, распределение интернов), я потихоньку разогреваю руки – засовываю их в меховую муфточку и растираю пальцы. И настолько сосредотачиваюсь на этом занятии, что слышу только концовку речи Ник Саныча – нашего и.о. зав. отделением.

– Печеночная кома, – говорит он. – Четвертый день без сознания. Билирубин превышает норму в десять раз, печеночные ферменты – в пять раз. Мне очень жаль, но гепатологи не дают ей шансов.

Все молчат.

– Ладно, извините, если кого огорчил, – вздыхает Ник Саныч. – Будем надеяться, что это все плохие новости на сегодня. Приступайте к работе.

Медсестры начинают раздавать истории болезни.

– А они нужны ей... эти шансы? – спрашиваю я тихо свою муфточку.

Но слышит меня, разумеется, не она, а Витя – молодой аспирант Ник Саныча, пришедший вместе с ним на наше отделение из Универа.

– Простите, это вы мне?

– Да нет, самой себе. Вот, ознакомьтесь.

И я показываю на плакат, с незапамятных времен висящий у нас на стене:

«КРАТКИЙ КУРС

ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ НОЗОЛОГИИ

С ПРИМЕРАМИ.

Острый психоз – вы говорите с кошкой.

Острый галлюцинаторный психоз – вы говорите с несуществующей кошкой.

Паранойя – вы боитесь сболтнуть лишнего при кошке.

Шизофрения – кошка говорит внутри вас.

Неврастения – вы жалуетесь кошке, кошка молчит, вас игнорирует, и вам это кажется совершенно невыносимым.

Биполярное расстройство – вы то плачете, утираясь кошкой, то хохочете, подбрасывая кошку к потолку.

Синдром навязчивых состояний – вы не можете пройти мимо кошки, не погладив ее.

Истерия – когда кошка выгибает спинку, вы делаете «мост».

Аутизм – ваша кошка кажется вам невыносимо болтливой.

Ипохондрия – вы уже про четвертую кошку говорите, что она вас переживет.

Амнезия – вы не помните, есть у вас кошка или нет.

Ретроградная амнезия – вы не помните, была у вас раньше кошка или нет».

Ниже подписано ручкой:

«Похмелье: Все коты, как коты, а этот – топ-топ, топ-топ, топ-топ.

Алкогольный делирий: по вам ползают маленькие кошки.

Полный п-ц: ваша несуществующая кошка не помнит, есть ли у нее вы».

– У меня сегодня острый галлюцинаторный психоз, – говорю я. – Он у меня частенько. Привыкайте.

Витя читает, хихикает.

– И всё-таки, о чем вы говорили с вашей воображаемой кошкой? – интересуется он. – О Юлии Сергеевне?

– О ком же еще? Она наша большая общая психотравма. Кстати, этот плакат сюда повесила она. В Интернете нашла и распечатала.

Я не говорю, что приписку ручкой сделала тоже Юлия Сергеевна. Прежде чем пошла сдаваться гепатологам. Витя – хороший мальчик, умненький, и просто пришел сюда работать: диссертацию писать и нам помогать. Зачем окунать его в наше дерьмо?

– Вам сильно ее не хватает? – спрашивает Виктор.

– Разумеется. А еще меня вот уже три минуты сильно не хватает в массажном кабинете. Так что, извините.

– О конечно, конечно.

3

Я действительно опаздываю на три минуты. Сонечку уже раздели, и мама укрыла ее для тепла одеяльцем. И сейчас Сонечка изо всех сил пытается ухватиться за нарисованный на одеяльце цветок. Смотрит на цветочек, потом на свою правую руку, тянет, тянет ручку, наводит ее, как крановщик наводит стрелу с закрепленной на ней панелью, чтобы поставить ее точно на стену дома, но опустить не может. Для этого ей нужно плавно снизить напряжение большой грудной мышцы, удерживая при этом в тонусе разгибатели верхней конечности. Но для Сонечки это пока сродни решению уравнений квантовой механики. Поэтому она просто расслабляет ручку и колотит ею по одеялу, разражаясь плачем. При этом не замечает, что левая ручка, оставленная ею без присмотра, уже схватила вожделенный цветок.

– Сонечка, а что тут у нас? А ну-ка посмотри сюда!

Это мое самое крутое колдунство, какое только может быть: полуторалитровая бутылка из-под газировки, в которую я налила глицерин и набросала кусочки фольги. Когда бутылку переворачиваешь, блестящее конфетти начинает медленно падать на дно, закручиваясь в волшебном танце, и оторвать взгляд от этой серебристой метели трудно даже взрослому, а не только малышу.

– Здорово, да, Сонечка? Вот сейчас мама у нас бутылочку подержит, а мы с тобой поработаем. Давай я тебя на животик переверну. Вот так.

– Угу, – говорит Сонечка. – Угу... агу.

– Солнышко мое запело, – улыбается Сонечке мама. – Раз – и слезки высохли. Вот бы нам так.

И, поднимая голову, говорит мне:

– Так и не лепечет. И игрушку взять не может.

– Ничего, – обещаю я щедро. – Вы еще мечтать будете, чтобы она замолчала.

Мама только грустно улыбается. Наши мамы – настоящие специалисты по развитию детей. И Сонечкина мама прекрасно знает, что гулить и не справляться с собственными ручками для младенцев нормально. Когда им три-четыре месяца. А Сонечке уже семь. И еще мама знает, что пока Сонечка не залепечет, никто не будет уверен, что она когда-нибудь заговорит.

– Ничего, – повторяю я. – Вон зато как мы уже голову держим. Гордо и долго. А два месяца назад что было? Вот то-то.

– Вот бы Юлия Сергеевна порадовалась, – говорит Сонечкина мама. – Она скоро вернется?

– Думаю, не скоро. Ей нужно отдохнуть.

– А помните, как она нас в первый раз осматривала? – улыбается мама. – Сонечка еще как полешко была. Я тогда испугалась даже.

Я тоже тогда испугалась. Юлия была уже, что называется, на исходе. В тот день от нее несло перегаром так, что только перепуганная мать могла этого не почувствовать. И когда она вошла в палату, ее так шатнуло, что я едва не бросилась, чтобы ее подхватить. Но Юлия только мотнула головой, восстановила равновесие, подошла к лежащей на пеленальнике Сонечке и, сказав матери: «Только ничего не бойтесь», – взяла девочку за ноги и «уронила» ее на кафельный пол вниз головой. Вовремя остановила и некоторое время удерживала ее в пяти сантиметрах от пола – так, чтобы мы все видели: Сонечка выставила ручки. А это значило, что, несмотря на всю тяжесть ее нынешнего состояния, прогноз хороший. Мозг сопротивляется повреждениям, полученным во время беременности и родов. Значит, Сонечка будет бороться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.